

УДК 130.31

И.В. Лихоманов, Д.Е. Десятов

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

*graingar@yandex.ru
gumproblemy@gmail.com*

НАПОЛЕОН КАК НОСИТЕЛЬ ВОЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье выявляется содержание понятия «военное сознание», а также структура военного сознания на основе проявления данного феномена в конкретном его носителе, Наполеоне Бонапарте. Военное сознание определяется как разновидность профессионального сознания, которая включает специфические особенности психологии, мышления, профессиональных навыков, мировоззренческих установок и морально-нравственных ценностей военнослужащего. Военное сознание обладает системной целостностью и формируется под влиянием направленности личности на военное служение как интегрирующий фактор. Полководческий талант Наполеона коренился в психологических особенностях его личности, таких как темперамент, воля, мужество, целеустремленность, работоспособность. А проявлялся талант Наполеона в военном мышлении и в военной деятельности. Специфическая особенность военного мышления кроется в его практической направленности, в способности не только понять, что надо делать, но и как надо делать. Военный гений Наполеона включал также выдающиеся управленческие способности: тонкое знание человеческой природы, умение мотивировать подчиненных на выполнение боевых задач, не связывая их инициативы, умение внушить им веру в победу и бодрость духа перед лицом смертельной угрозы.

Ключевые слова: военное сознание, профессиональное сознание, военное познание, военное мышление, воинский долг, воинская честь, направленность личности.

Категория «военное сознание», хотя и является одной из основных категорий философии военного дела, в силу обстоятельств, о которых здесь нет нужды говорить, все еще недостаточно прояснена. Между тем в современной войне большое значение приобретает формирование целостного военного сознания, «как одного из важнейших факторов, определяющих степень боеспособности армии в целом и каждого военнослужащего, в частности» [1]. Экспликация этой категории требует в качестве предварительного условия осуществления философского анализа военного сознания как феномена социальной действительности. Осуществить же такой анализ можно лишь на основе изучения проявлений данного феномена в конкретных его носителях – военнослужащих.

Но если ставить перед собой такую задачу, то не лучше ли взять в качестве объекта анализа гениального полководца, деятельность, биография и личность которого изучены многими поколениями гражданских и военных историков с самых разных точек зрения и, следовательно, дают богатый материал для решения этой задачи? Конечно же, мы говорим здесь о Наполеоне Бонапарте, поскольку ни одному другому полководцу в истории не посвящено такого количества мемуарных и научных работ. Опираясь на известные труды отечественных историков, собственные воспоминания Наполеона и воспоминания некоторых его современников, мы попытаемся в рамках данной статьи выявить именно те особенности психики, мышления, мировоззренческих и этических установок Наполеона, которые могут рассматриваться как типичные и универсальные для профессионального сознания любого военнослужащего.

Но начнем мы с того, что на первый взгляд не имеет никакого отношения к военному сознанию. А именно: с физических данных Бонапарта. В представлении большинства людей профессия военного сопряжена с физической силой, которая во многом зависит от ряда биометрических и физиологических свойств и характеристик человека. Наполеон же как будто специально призван был опровергнуть это расхожее представление. Он имел невысокий рост и не обладал большой физической силой. Такие же особенности внешнего облика отличали, как известно, и другого великого полководца, – А.В. Суворова. Но если Суворов с юности и до глубокой старости закаливал свой организм, то Наполеон, казалось, был равнодушен к своему физическому состоянию. В молодости он был худ и тщедушен, после сорока лет начал быстро полнеть, однако, его это как будто совершенно не волновало.

Несмотря на скромные природные данные, равнодушие к своей физической форме и отсутствие регулярных физических упражнений, Наполеон обладал поразительной выносливостью. Это позволяло ему в течение всей военной и политической карьеры успешно переносить крайнее, даже предельное напряжение, которому он подвергал свой организм. Во время отступления французской армии от

крепости Сен-Жан д'Акр (Аккра) Наполеон двадцать пять дней шел пешком впереди своей армии по раскаленным пескам, казалось, не чувствуя усталости. «То было страшное отступление, – писал Манфред. – Нещадное солнце стояло в безоблачном небе, обжигая иссушающим жаром. Нестерпимый, изматывающий зной, казалось, расплавлял кожу, кости; солдаты с трудом волочили ноги по горячим пескам, по растрескавшимся дорогам пустыни. Мучения жажды были невыносимы. Рядом шумело бескрайнее море, но питьевой воды не было. Люди выбивались из сил, но продолжали идти; кто отставал, кто падал – погибали. Сзади, над последними рядами растянувшейся цепочки людей кружили какие-то страшные птицы с огромным размахом крыльев, с длинной голой шеей и острым клювом; то были, верно, грифы. Они ждали, кто упадет, чтобы наброситься с пронзительным клекотом на добычу» [3, 195-196].

Наполеон выдержал это испытание, которое многим физически более крепким людям оказалось не под силу. В дальнейшем он еще несколько раз повторил то же самое – во время перехода французской армии через перевалы Сен-Бернар и Сен-Готард в Альпах, а затем в горах Испании. Во время изнурительной зимней кампании против русской армии в 1806/1807 гг. Наполеон, с долей самолюбования, писал брату, Жозефу: «Я не снимал ни разу сапог в течение 15 дней... Мы среди снега и грязи, без вина, без водки, без хлеба, едим картошку и мясо, делаем долгие марши и контрмарши без всяких удобств, бьемся обыкновенно штыковым боем или под картечью, раненых везут в открытых санях на расстояние 50 лье... Мы ведем войну изо всех сил и во всем ее ужасе» [8, 182]. Наконец, в России, выводя свою погибающую от мороза и голода армию, он, 43-летний, отяжелевший полководец «часами шел по сугробам и под падающим снегом, опираясь на палку, разговаривал с шедшими рядом солдатами» [8, 287].

Впрочем, даже и без этих, требовавших предельного и длительного напряжения физических сил, военных эпизодов Наполеон подвергал свой организм регулярным перегрузкам. Десятки тысяч километров, которые он за годы своей военной карьеры покрыл верхом на лошади, на верблюде, в карете, в коляске, в санях по дорогам и бездорожью Европы, Африки и Азии – достаточно ярко свидетельствуют о его физической выносливости. Стендаль, бывший офицером, а затем чиновником в наполеоновской армии, отмечал это поразительное качество императора и его психологическое воздействие на солдат: «Энергия этого человека, стойкость, с какою он при таком хилом сложении переносил все тяготы, казались его солдатам чем-то выходящим за пределы возможного» [6, 333].

В этом замечании Стендаля содержится и ответ на загадку физической выносливости Наполеона, имевшей скорее *психологический*, нежели физиологический характер. «Энергия», о которой говорит Стендаль, есть воля и целеустремленность. Оба эти психологические качества были необычайно развиты у Наполеона. Генерал Дютиль, наблюдавший его в Тулоне, горячо рекомендовал военному министерству юного героя в таких словах: «у него знаний столько же много, как и ума, и *слишком много характера*» (курсив наш – И.Л., Д.Д.) [8, 21]. Здесь обращает на себя внимание подчеркнутая избыточность «характера», то есть воли, по отношению к знаниям и уму. Доминанту воли над всеми иными характеристиками личности военного человека Наполеон четко осознавал и отразил в своем знаменитом высказывании: «Выиграл сражение не тот, кто дал хороший совет, а тот, кто взял на себя ответственность за его выполнение и приказал выполнить» [8, 114].

О другом его качестве, целеустремленности, Стендаль говорит: «Из всех его способностей... самая выдающаяся – это поразительная легкость, с какою он по собственной воле сосредоточивал свое внимание на том или ином предмете и по несколько часов подряд держал свою мысль как бы прикованною к нему, в непрерывном напряжении, пока не находил решения, в данных обстоятельствах являвшегося наилучшим» [6, 333].

Сочетание целеустремленности и воли рождало поистине фантастическую работоспособность Бонапарта, приводившую в отчаяние многих его подчиненных, от которых он требовал такой же самоотдачи. Он гордился этим качеством и полагал его главной причиной своих успехов, а не военный и не политический таланты. «Я работаю всегда, работаю во время обеда, работаю, когда я в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы работать» – заявлял Наполеон [8, 16].

Воля и целеустремленность помогали ему преодолевать многочисленные и разнообразные тяготы войны. Однако физическое истощение, раны и болезни были только внешними трудностями, с которыми Наполеон гораздо легче справлялся, чем с трудностями иного порядка – трудностями внутренними, таившимися в нем самом. Бешеный корсиканский темперамент Бонапарта изливался в приступах неукротимого гнева, отмеченных всеми, кто имел с ним живое общение. Вспоминая раннее детство на родном острове, он говорил: «Ничто мне не импонировало, я был склонен к ссорам и дракам, я никого не боялся. Одного я бил, другого царапал и все меня боялись» [8, 13]. Эта детская драчливость и раздражительность переросли в юноше, а затем во взрослом человеке в угрюмую сосредоточенность,

прерывавшуюся неожиданными вспышками гнева. «Наполеон владел собой почти всегда, – писал Тарле. – Только с единственной страстью – с гневом – он не всегда умел справиться» [8, 129].

Чем дольше длился мир и росло его могущество, тем более раздражительным, нелюдимым и мрачным становился Наполеон. Но все это мгновенно менялось, как только начинали греметь барабаны и французская армия отправлялась в поход. «Война была настолько его стихией, – отмечал Тарле, – что когда он готовил ее и вел, он всегда производил впечатление человека, живущего полной жизнью, дышащего полной грудью» [8, 296].

На войне проявлялись лучшие качества Наполеона, делавшие его великим полководцем. И среди них в первую очередь его личная храбрость, его самообладание в критические моменты, стойкость перед лицом смертельной угрозы или поражения.

Бонапарту не была свойственна безрассудная храбрость; он не был, как Мюрат и некоторые другие наполеоновские генералы и маршалы, «лихим рубакой». Воля и холодный расчет удерживали в жесткой узде его эмоции. Но когда логика боя требовала от него личного мужества, он выказывал его так, что мог служить примером и для храбрейших из храбрых. При взятии Тулона под ним убили лошадь и ранили в ногу. Во время итальянской кампании Бонапарт совершил подвиги, поразившие всю армию. Дважды – во время штурма моста через реку Адду близ Лоди, а также Аркольского моста, – он бросался в атаку впереди солдат и лишь чудом остался жив. Этим он завоевал сердца подчиненных и с тех пор никто и никогда не мог усомниться в его личной храбрости, а также в его моральном праве посылать на смерть других людей.

В сражении у Прейсш-Эйлау, когда ход боя склонился на сторону русских и французы пали духом, Наполеон вместе со своим штабом оказался под плотным обстрелом. Вокруг него падали ядра и взрывались бомбы, визжала шрапнель, свистели пули, гибли люди. Гонцы не могли подъехать с донесениями, сраженные огнем противника. Он же стоял на одном месте, невозмутимый и спокойный, отдавая приказание тем адъютантам, кому удавалось проскочить. «Наполеон и окружавшие его видели, что только личное присутствие императора удерживает пехоту в этом ужасном положении» [8, 181].

24 октября 1812 г., на следующий день после сражения под Малоярославцем, Наполеон чуть не попал в плен во время атаки неожиданно наскочившего на императора и его небольшую свиту казачьего отряда. Выхватив саблю, он со спокойной улыбкой ждал развития событий. И сохранил эту улыбку до конца, пока угроза не исчезла.

Удивительным свойством психики Бонапарта была его индивидуальная реакция на опасность, которая, несомненно, помогала ему держать себя в руках и сохранять хладнокровие. В такие моменты он испытывал *прилив энергии*, толкавший вперед. «Он привык идти навстречу буре», как верно сказал о нем Манфред [3, 623]. Но у этого качества была и обратная сторона: нетерпеливое желание действовать, а не выжидать удобного момента, наращивая силы, влекло за собой роковые политические ошибки.

Неоднократно подчеркивая первенство воли в искусстве военачальника, Наполеон отнюдь не преуменьшал значения интеллектуальных способностей и знаний. Он «уподоблял комплекс качеств хорошего полководца квадрату, где основание и высота всегда равны: под основанием он тут понимает характер, смелость, мужество, решимость, а под высотой – ум, интеллектуальные качества. Если характер сильнее ума, то полководец увлечется и пойдет дальше, чем нужно. Если ум сильнее характера, то у него, напротив, не останется мужества осуществить свой план» [8, 397].

В этом отношении Бонапарт являл блестящий личный пример гармонического сочетания психологических свойств, интеллектуальных способностей и профессиональных знаний. Обладая почти абсолютной памятью, он поражал всех, когда, даже много лет спустя, называл имена солдат и офицеров, номера частей, в которых те служили под его началом. Память Наполеона хранила тысячи важных и малозначительных деталей проведенных им военных кампаний, включая географические названия, топографические особенности местности, общий план сражения, характер действий отдельных подразделений и командиров.

Бонапарту плохо давались языки. Латынь он так и не освоил. По-французски писал с ошибками; не мог избавиться от корсиканского акцента, что иногда затрудняло для окружающих понимание его речи. Зато проявлял огромные способности к математике. Любовь к ней в известной степени определила и выбор Наполеоном военной специальности – артиллерии. Баллистика требовала знания интегрального и дифференциального исчисления, которыми он владел в совершенстве.

Интересовался молодой Бонапарт также литературой, политической историей и философией. Он был типичным представителем века Просвещения, поклонником свободомыслия, убежденным антиклерикалом и сторонником либеральных идей. Эволюция политических взглядов, которую он пережил, восходя по карьерной лестнице от лейтенанта до императора, не затронула глубинных основ

его мировоззрения, сложившегося в юности. «Державы не со мной ведут войну, а с революцией, – сказал Наполеон после Ватерлоо. – Они всегда видели во мне ее представителя, человека революции» [8, 375].

Однако, при всей широте интересов и кругозора в центре его внимания оставались военное дело, военная история и география. В молодости Бонапарт самостоятельно изучал военные кампании Александра Македонского, Цезаря, историю Халифата и крестовых походов, военные труды Макиавелли, историю войн Фридриха II. Диктуя воспоминания на острове Св. Елены, он нередко проводил сравнительный анализ действий полководцев прошлого и своих. Так, например, в рассказ о египетском походе Наполеон включил сравнительный анализ действий французской армии под своим началом и под началом Людовика Святого в XIII веке. «Если бы 6 июня 1250 г. французы действовали так, как в 1798 г., – утверждал Наполеон, – они захватили бы Нижний Египет и столицу в том же месяце, в котором прибыли» [4, 92-93].

Военной специальностью – артиллерийским делом – Бонапарт овладел в совершенстве: «его познания в этой области настолько превосходили знания многих товарищей по полку, что это не могли не заметить» [3, 16-17]. Он был автором нескольких теоретических работ по артиллерийскому делу, а уже будучи полководцем успешно применял на практике свои теоретические знания. Однажды он сказал своему младшему брату Луи, что профессиональному военному «основательное изучение своего ремесла является в такой же мере делом совести, как и благоразумия» [6, 325].

Для военного мышления Наполеона было характерно целостное видение всех аспектов складывающейся военно-политической ситуации при планировании и подготовке очередной кампании. Он в равной мере уделял внимание военно-политическим, финансово-экономическим, организационно-техническим и другим задачам, которые обеспечивали победу. «Наполеон не признавал, – указывает Тарле, – что на войне могут быть мелочи» [8, 184]. Так, готовясь к очередной кампании против русской армии в 1807 г., он «посещал госпитали, следил за подвозом провианта, комплектовал поредевшие ряды своей армии новыми силами» [8, 182].

Способность к целостному восприятию военно-политической обстановки и к ситуационному анализу, позволявшая, по выражению Тарле, «вопреки поговорке разом видеть и лес, и деревья, и даже сучья и листья на деревьях», была многократно усилена *практицизмом* его военного мышления [8, 411]. Наполеон-теоретик и Наполеон-практик были равны друг другу в масштабе таланта. Как правило, Наполеон не вырабатывал заранее детальных планов кампании. «Он намечал лишь основные «объективы», главные конкретные цели, хронологическую (приблизительную, конечно) последовательность, которую должно было при этом соблюдать, пути, которыми придется двигаться. Военная забота охватывала и поглощала его целиком лишь в самом походе, когда ежедневно, а иногда и ежечасно он менял свои диспозиции, сообразуясь не только со своими намеченными целями, но и с обстановкой, в частности, с непрерывно поступающими известиями о движении врага» [8, 96].

Умение быстро ориентироваться во времени и в пространстве, мгновенно оценивать выгоды и недостатки местности (то, что Суворов называл «глазомером») были развиты у него в высшей мере. «Наполеон знал карту и умел обращаться с картой, как никто, он превосходил в этом своего начальника штаба и ученого картографа маршала Бертье, превосходил в этом всех полководцев, до него гремевших в истории, и в то же время карта никогда не связывала его» [8, 396].

Едва ли не первым из военачальников Нового времени Бонапарт начал систематически прибегать к дезинформации противника, придав этому направлению деятельности небывалый масштаб. Дезинформация превратилась у него в дорогостоящие спецоперации прикрытия, сопровождавшие подготовку военных кампаний.

Первая такая операция прикрытия была им осуществлена в 1798 г. перед началом египетской экспедиции. Понимая, что ему не удастся полностью скрыть свои планы от английских шпионов, Наполеон умело распустил слух, будто собирается пройти через Гибралтар и высадиться в Ирландии. Англичане поверили этому слуху, так как он выглядел пугающе правдоподобным. Ведь Ирландия веками вела освободительную войну против англичан. Высадка французского десанта встретила бы восторженное отношение со стороны ирландского населения. Неудивительно, что британское военное руководство «купилось» на дезинформацию и эскадра адмирала Нельсона караулила Наполеона у Гибралтара, тогда как он отплыл в противоположную сторону. Впрочем, искушенный в военной хитрости Нельсон держал разведывательные суда у французских портов и, получив сообщение о том, куда движется эскадра Наполеона, тут же бросился вдогон. Французов и их военачальника спасла лишь цепь досадных для англичан случайностей.

Зато другая операция прикрытия, разработанная и осуществленная накануне второй итальянской кампании (1800), блестяще себя оправдала. Готовясь к войне с Австрией, Наполеон создал крупную группировку войск на восточной границе под командованием генерала Моро. Об этой группировке,

получившей название Рейнской армии, много говорили и писали в газетах. Предполагалось, что Рейнская армия вторгнется в Австрию с севера – через германские земли.

Тем временем под «большим секретом» на юге, недалеко от швейцарской границы, была создана «резервная армия». Но в действительности никакой армии там не было. При весьма раздутом штабе этой «армии» находились 8 тысяч солдат – новобранцев и инвалидов. С помощью мастерски дозируемых «утечек» информации Наполеону удалось убедить Англию и Австрию в том, что «резервная армия» – это «ловушка для дурака» (каковой она и являлась в действительности), и что Наполеон реально готовит удар с севера, через мелкие германские государства.

В конечном счете выяснилось, что и «резервная», и Рейнская армии – обе стали «ловушками для дураков». Наполеон ударил все-таки через Швейцарские Альпы. Но для этого ему не понадобилось накапливать и концентрировать силы в одном большом лагере. Подразделения французской армии, рассредоточенные в разных частях страны, получив приказ выдвинуться к швейцарской границе, одновременно сошлись в одном месте и сразу же двинулись в горный поход. Вскоре они уже были в Италии, где австрийцы не ждали противника.

Дезинформация активно использовалась Наполеоном и в кампании 1805-1807 гг. Когда французская армия осадила австрийские войска в крепости Ульм, Наполеон подослал своего шпиона, некоего Шульмейстера, к генералу Маку, руководившему обороной. Шульмейстер убеждал Мака не покидать город (хотя такая возможность одно время у него была), поскольку в Париже-де началось восстание и французы вот-вот снимут осаду. Чтобы окончательно убедить австрийского генерала не отводить войска, в полевой типографии французской армии был отпечатан фальшивый экземпляр парижской газеты, где сообщалось о якобы начавшейся революции. Поверив дезинформации, Мак остался на месте и вскоре был вынужден капитулировать. Вся его армия попала в плен.

Стремление добиться победы с помощью военной хитрости, а не только силы, коренилось в характере Наполеона, в психологических особенностях его личности. В детстве, затеяв очередную драку со старшим братом Жозефом и поколотив его, маленький Бонапарт первым бежал к матери жаловаться. «Мое коварство, – не без удовольствия вспоминал он, будучи уже императором, – приносило мне пользу, так как иначе мама Летиция наказала бы меня за мою драчливость» [8, 13].

Коварство, хитрость, обман, с точки зрения Наполеона, являлись положительными качествами полководца. Обмануть противника, сбить его с толку, заманить в ловушку – столь же почетно, как и победить его в открытом бою. Но искусство обмана требует еще и актерского мастерства. И Наполеон сознательно развивал в себе актерские способности. Ходили слухи, что он брал уроки у знаменитого французского актера Тальма. Люди, близко знавшие Наполеона, заметили, что в некоторых случаях он имитирует припадки гнева, желая утратить ими собеседника. Но разыгрывал он эти сцены так хорошо, что отличить настоящий гнев императора от притворного бывало нелегко.

Актерский талант Наполеона, его природное коварство и военная хитрость помогли одержать французской армии грандиозную победу под Аустерлицем (1805). Наполеон был совершенно уверен в том, что разгромит русско-австрийские войска и боялся лишь одного: что противник отступит без боя и начнет затягивать войну, дожидаясь, пока в нее вступит Пруссия. В русском штабе главнокомандующий М.И. Кутузов как раз и предлагал такой вариант действий. Против него выступили император Александр I и его советники. Но русскому императору, как и его окружению, не доставало военного опыта и авторитета, чтобы уверенно спорить с Кутузовым. Тут-то и сыграла роль военная хитрость Наполеона. Он устроил целый спектакль, изображая из себя «человека, очень испуганного, ослабевшего, больше всего опасющегося битвы» [8, 156].

Прежде всего Наполеон велел французским аванпостам начать демонстративное отступление. Затем он послал к русскому императору генерал-адъютанта Савари, который должен был предложить перемирие, просить о личном свидании Наполеона с ним, а если ему откажут в том и в другом, то предложить Александру I прислать во французскую штаб-квартиру доверенное лицо для ведения переговоров. Последнее предложение Александр принял и направил к Наполеону молодого князя Долгорукого, человека крайне легкомысленного и недалекого. Наполеон разыграл перед надменным юнцом смущение, робость и хотя в конечном счете отверг предложенные ему условия, но «самый отказ был облечен в такую форму, что не ослабил, а усилил общее впечатление неуверенности и робости» [8, 156].

Это поведение было так непохоже на Наполеона, так унижительно для него, что введенный в заблуждение русский император уверился, будто Наполеон действительно слаб, деморализован и теперь уже легко отменит соображения Кутузова. Таким образом, в очередной раз используя дезинформацию и актерское мастерство, Наполеон сумел втянуть противника в сражение на выгодных для себя условиях и одержать одну из самых громких своих побед.

Военная хитрость обрела у Наполеона ранг стратегического принципа, который формализовался в двух максимах: а) нападать на врага там, где он не ожидает нападения и б) никогда не повторять ранее предпринятых действий, даже если они были успешными. Этот принцип он блестяще реализовал в двух итальянских кампаниях 1796/1797 и 1800 гг. В первом случае Наполеон провел свою армию из Франции в Италию по узкому скальному карнизу, который шел вдоль моря и легко мог быть обстрелян с военных кораблей. Во втором случае, не желая повторять прошлый опыт, Наполеон осуществил дерзкий марш через альпийские горные перевалы, что потребовало огромных усилий по транспортировке артиллерии. В обоих случаях Наполеону удалось достичь эффекта неожиданности и ошеломить противника.

Но совершенно очевидно, что такая стратегия связана с повышенным риском. Ведь неожиданное решение потому и неожиданно, что противник абсолютно уверен в его неосуществимости. Наполеон же с необычайной, как иногда кажется, легкостью шел на риск, бросая на кон и свою жизнь, и военную славу. «Риск был для него делом привычным, – писал Манфред, – он был неотделим от его профессии полководца, он был свойственен его характеру; он представлялся ему естественным, почти необходимым в каждом серьезном деле. Но как человек трезвого, ясного ума он привык дозировать, взвешивать элементы риска, следить за тем, чтобы они не превышали допустимую норму, не превращали возможный риск в безответственную авантюру» [3, 218].

Так, видимо, и было некоторое время. Однако с определенного момента дух авантюризма, который изначально присутствовал во всех военных планах Наполеона, начал брать верх над осторожностью и холодным расчетом. Обладатель нервной, впечатлительной натуры, которую он укрощал волевыми импульсами, Наполеон, кроме всего прочего, наделен был живым и богатым воображением, уносившим его далеко вперед на своих крыльях. Уже в египетском походе авантюрное начало заметно преобладало над военно-политическими и военно-стратегическими соображениями. Талейран, который поддержал идею этого похода, считал, однако, что продумана и подготовлена военная экспедиция в Египет была плохо, что, помимо самых общих наметок, никакого реального плана у Наполеона не имелось и что в основном он полагался на счастливый случай. «Пылкость и природная многоречивость, – писал Талейран в мемуарах, – увлекли его за пределы осторожности» [7, 153]. В конечном счете, так и вышло: только вереница непредвиденных случайностей уберегла самого Наполеона от смерти, а его предприятие от катастрофического провала.

Военные и политические операции Наполеона между 1797 и 1800 гг. были, по выражению Манфреда, «игрой на острие ножа». «Он выигрывал в конечном счете, но в самый последний миг, когда уже перегибался над краем пропасти и вырванный в последний момент выигрыш спасал его от гибели, казалось, уже неотвратимой» [3, 259]. Только в полной мере осознав, какую рискованную игру вел Бонапарт и как много раз он был на краю гибели (физической и политической), можно понять и объяснить одну странность в его отношении к религии. Сын своего века, Наполеон презирал Церковь и не верил в христианского Бога. Но не был он и атеистом. Десятки раз чудом уходя от гибели, он в конце концов поверил в Судьбу, которая его хранит и ведет. Думается, что поворот в религиозной политике Наполеона (союз с папой римским) был не в последнюю очередь вызван подъемом религиозных чувств солдат и офицеров армии, которые, так же, как и их предводитель, ежедневно рисковали своими жизнями. Смертельный риск и понимание того, что ты больше не хозяин своей жизни, делает человека или фаталистом (каким стал, в конце концов, Наполеон), или предает его во власть религиозных чувств, дарующих ему утешение и надежду.

Личная храбрость и готовность рискнуть жизнью ради достижения цели, многократно подтвержденные во всех войнах, служили *моральным оправданием* военачальнику, посылавшему на смерть солдат и офицеров французской армии, а также сеющему смерть в рядах противника и мирного населения. Но можно ли вообще говорить здесь о моральном оправдании?

Наполеона часто упрекали в жестокости по отношению к противнику и к мирному населению и столь же часто – в равнодушии к жизням своих солдат. Уже в первой итальянской кампании Бонапарт явил миру беспощадную жестокость в отношении к подчиненным и к местному населению. Укрепляя расшатанную дисциплину, командующий без колебаний расстреливал ее нарушителей. И так же, без колебаний, он отдавал приказ о проведении карательных операций. В городке Луго под Феррарой, где толпа убила пятерых французов, по приказу Наполеона было изрублено несколько сот человек, а затем город был отдан на разграбление солдатам, которые истребили всех жителей. Карательные операции были осуществлены в городах Биаско, Павия и в некоторых селениях.

Аналогичные действия Наполеон предпринимал и во время египетского похода. Подавив восстание в Каире, где несколько дней шли казни, он приказал убить всех жителей одного из окрестных селений, участвовавших в восстании, отрубить им головы и высыпать их на каирской площади. После взятия крепости Яффа около тысячи (по другой версии, около четырех тысяч) пленных были

расстреляны, так как их невозможно было держать в плену и опасно было отпускать. Невероятные по своей жестокости действия предпринимала французская армия и в Испании, подавляя народное восстание. Также безжалостно расправлялся Наполеон и с политическими противниками.

До конца своих дней он не чувствовал ни раскаяния, ни сожалений в отношении этих жертв. Его совесть волновал только один упрек, бросаемый политическими противниками: упрек в том, что он погубил огромное количество французских солдат во имя своего тщеславия. Обвиняли его также в том, что жизнь своих солдат Наполеон совершенно не ценил. Прилюдно называя их «пушечным мясом», он легко посылал людей на смерть или даже бросал на верную гибель, не предпринимая ничего для их спасения.

Так, при отступлении из Сирии, Наполеон оставил заболевших чумой солдат умирать, распорядившись каждому дать большую дозу опиума, чтобы они могли покончить с собой, когда подойдут турки. Во время отступления из России он приказал сжечь мосты через Березину, чтобы отрезать русских, тогда как на другой стороне еще оставалось около 10 тысяч французских солдат, которые почти все были уничтожены противником.

Отвергая эти обвинения, Наполеон много раз говорил, что в его войнах французов погибло меньше, чем солдат, призванных в армию из покоренных стран (итальянцев, немцев, испанцев и пр.). Но вряд ли это можно считать хорошим аргументом. Гораздо интереснее другая его самооценка, затрагивающая вопрос о жестокости. «Во мне живут два разных человека, – говорил Наполеон, – человек головы и человек сердца. Не думайте, что у меня нет чувствительного сердца, как у других людей. Я даже довольно добрый человек (курсив наш – И.Л., Д.Д.). Но с ранней юности я старался заставить молчать эту струну, которая теперь не издает у меня уже никакого звука» [8, 30].

Здесь важно понять, что отношение к смерти у Наполеона было другим, чем отношение к ней у большинства гражданского населения. Смерть на войне, в отличие от смерти в мирное время, не является событием чрезвычайным. Она не вызывает, за редким исключением гибели близких тебе людей, эмоционального стресса. Ежедневно рискуя своей жизнью и видя вокруг десятки, сотни тысяч убитых и искалеченных, Наполеон утратил ту эмоциональную и нравственную чувствительность, которая отличает большинство граждан мирных занятий. Только два раза вид смерти вызвал у него слезы: когда умирали маршал Ланн и маршал Дюрок – два самых близких и любимых им человека. В остальном же Наполеон, как и Сталин, мог бы сказать, что гибель одного человека – это катастрофа, а гибель миллионов людей – это статистика! Для Наполеона смерть утратила эмоционально-нравственное измерение и превратилась в арифметику потерь. «Человек головы» полностью возобладал над «человеком сердца».

Между тем историки справедливо отмечают, что жестокость Наполеона по отношению к мирному населению сочеталась у него с широким спектром действий, направленных на его умиротворение. Так было в Италии, так было в Египте. Другими словами, Наполеон использовал жестокость как *метод устрашения*, но отнюдь не полагался только на нее. Это была рациональная и тщательно дозированная политика: «ни одной бесцельной жестокости и совсем беспощадный террор, если это... было нужно для подчинения завоеванной страны» [8, 50]. Подводя итог данной теме, Тарле писал: «В нем не было жестокости, как страсти, но было полнейшее равнодушие к людям, в которых он видел лишь средства и орудия. И когда жестокость, коварство, вероломный обман представлялись ему необходимыми, он их совершал без малейших колебаний. Его холодный ум подсказывал ему, что при прочих равных условиях, если это возможно, всегда выгоднее достигнуть цели без жестокости, чем при ее помощи» [8, 411].

Однако, Тарле был неправ, когда распространял эту оценку также и на французских солдат, которые, по его мнению, значили для Наполеона ничуть не больше, чем солдаты противника. Мнение о Наполеоне как о законченном цинике, для которого все люди были только пешками в игре, противоречит фактам. Он, безусловно, любил свою жену, Евгению Богарне, хотя изменял ей и, в конце концов, по политическим причинам развелся. Он по-братски (гораздо сильнее, чем родных братьев и сестер) любил самых близких друзей – генерала Жюно, маршалов Дюрока, Ланна, Бертье, Мармона, Мюрата, Лавалетта и некоторых других. Его горе было искренним, когда он оплакивал смерть одних и видел измену других.

Безмерную любовь, смешанную с восторгом и преклонением, которую питали к нему простые солдаты, нельзя объяснить, как это делает Тарле, заботой военачальника об исправности и боеспособности «расходного материала». Наполеону в высшей мере было свойственно романтическое восприятие идей *воинского братства*, *воинского долга* и *воинской чести*. Он ощущал себя в первую очередь солдатом и лишь затем консулом или императором. И отнюдь не случайно по завещанию Наполеона основная часть его немалого состояния (200 миллионов франков) была поделена поровну:

сто миллионов были розданы ветеранам (офицерам и солдатам, сражавшимся под его знаменами), а другие сто миллионов – местностям Франции, пострадавшим от боевых действий в 1814-1815 гг.

Решение Наполеона оставить больных чумой при отступлении из Сирии, как и решение сжечь мосты на Березине – отнюдь не могут служить примерами жестокости в отношении своих солдат. Это были решения полководца, продиктованные логикой ситуации. Каждый военачальник знает, что на войне могут сложиться обстоятельства, когда приходится жертвовать меньшей частью людей, чтобы спасти большую часть и при этом сохранить боеспособность отдельного подразделения или армии в целом. «Необходимость подобных действий, – писал Стендаль, – должна быть очевидна и настоятельна, а в данном случае эту необходимость нельзя отрицать» [6, 338].

Талант Наполеона как военачальника, помимо иных его выдающихся качеств и способностей, заключался в умении вдохновлять солдат и офицеров, поддерживать в них готовность переносить тяжкие испытания, не теряя веры в победу. Здесь было столько же холодного (даже циничного) расчета и актерского мастерства, сколько личного мужества и веры в идеалы воинского братства, воинского долга и воинской чести.

Наполеон, как никто другой, умел находить общий язык с простым солдатом. Его поразительная память хранила десятки, если не сотни, имен солдат и унтер-офицеров, служивших в личной гвардии, а также в других частях. На привалах, на марше, часто перед сражениями он балагурил с солдатами, не стесняясь порой вернуть крепкое словцо или затронуть щекотливую тему. И в то же время, наряду с простотой обращения и даже фамильярностью, он умело сохранял нужную дистанцию между собой и собеседником, в каком бы чине он ни был.

Бонапарт совершенно терялся, когда ему приходилось публично выступать перед гражданскими людьми. Во время термидорианского переворота он косноязычно и бессвязно пытался обратиться к депутатам верхней и нижней палат с речами. Но его никто не стал слушать. Ораторский талант Наполеона раскрывался и блистал, только когда он обращался к солдатским массам. Это было красноречие особого рода: лаконичное, образное, точно отражавшее все то, что хотел сказать оратор и доступное пониманию слушателей. Такими же были и приказы Наполеона по армии, которые он отдавал перед началом сражений или после них. Ряд его высказываний превратился в широко известные афоризмы: «от великого до смешного один шаг», «в каждом ранце солдата лежит жезл маршала», «врага можно простить, но сначала его надо уничтожить», «народ, не желающий кормить свою армию, будет кормить чужую» и некоторые другие.

Наполеон умело использовал ораторское искусство, чтобы внушить солдатам бодрость в тяжелых ситуациях. Когда во время египетской экспедиции английская эскадра уничтожила французский флот, в армии воцарились уныние и страх. Почувствовав это, Наполеон обратился к офицерам и солдатам с речью. «Ну что ж, – сказал он, – теперь мы вынуждены совершать великие подвиги, и мы их совершим, основать великую империю – и она будет нами основана. Моря, на которых мы не господствуем, отделяют нас от родины; но никакие моря не отделяют нас ни от Африки, ни от Азии. Нас много, у нас не будет недостатка в людях для пополнения наших рядов. Не будет у нас и недостатка в боеприпасах, их мы имеем много, а если потребуется, Шальпи и Контэ изготовят новые» [4, 90]. Эта речь, произвела должное впечатление – армия взбодрилась и люди занялись выполнением своих служебных обязанностей.

Секрет чарующего воздействия Наполеона на французских солдат заключался в первую очередь в его личной храбрости, в готовности жертвовать собой, подавать пример стойкости в преодолении трудностей и перед лицом смерти. Во время вспышки чумы после взятия Яффы среди солдат началась паника. Чтобы успокоить армию, Наполеон пытался выдать чуму за особую форму лихорадки. Он лично явился в госпиталь, прикоснулся к нескольким наиболее отчаявшимся людям и приказал в своем присутствии произвести вскрытия чумных бубонов, чтобы облегчить наступление кризиса.

Во время тяжелейшего перехода по сирийской пустыне для перевозки больных и раненых потребовались лошади. Наполеон велел офицерам передать лошадей лазарету, а самим идти пешком. «Когда после этого распоряжения главный заведующий конюшней... спросил, какую лошадь оставить ему, Наполеон пришел в ярость, ударил вопрошавшего хлыстом по лицу и закричал: «Всем идти пешком! Я первый пойду! Что, вы не знаете приказа? Вон!» [8, 64].

Этот и масса подобных ему случаев не могут быть объяснены коварством Наполеона или его умением «играть на публику». Элемент расчета и актерской игры, которые здесь, несомненно, присутствуют, не должны затмевать гораздо более фундаментальных «абстрактных» принципов, лежащих в основе его действий как военачальника. Именно к этим «абстрактным» понятиям – воинского долга и чести – апеллировал Наполеон, когда сталкивался с неповиновением или недовольством в армии.

Начало египетской кампании сопровождалось ропотом недовольства в экспедиционном корпусе – как среди солдат, так и среди офицеров. «Армия была охвачена смутной меланхолией, которую ничто не могло преодолеть, она была подвержена приступам тоски, и несколько солдат бросились в Нил, чтобы найти в нем быструю смерть» – писал Наполеон в мемуарах [4, 74]. Зная, что в одной из полубригад настроение солдат и офицеров было самым плохим, Наполеон, при выходе армии из Каира, именно это подразделение поставил в авангард. Но когда армия двинулась в поход, он подъехал к авангарду и, выразив свое недовольство, велел командиру возвращаться обратно в город. «Солдаты 9-й, я в вас не нуждаюсь!» – громко крикнул он. Только после долгих уговоров и просьб со стороны солдат и командиров, униженных перед лицом всей армии, Наполеон позволил этой полубригаде принять участие в походе.

С целью поддержания дисциплины и боеспособности войск Наполеон покровительствовал судам солдатской чести, возникшим, видимо, до него в войсках революционной Франции. После боя солдаты вершили суд над трусами и дезертирами. Приговор был один – расстрел. Офицеры не должны были вмешиваться в действия солдат и даже знать официально о произошедшем. Хотя частным порядком они, конечно, знали, кто и за что был расстрелян.

Суровость, а подчас и жестокость ко всем нарушителям воинской дисциплины Бонапарт с лихвой искупал щедростью в наградах, не говоря уже о широких возможностях к обогащению, которые он предоставлял своим подчиненным. «На войне, – пишет Стендаль, – император после победы или просто удачного дела какой-нибудь дивизии всегда устраивал смотр. Объехав в сопровождении полковника ряды и поговорив со всеми солдатами, чем-либо отличившимися, он приказывал бить сбор; офицеры толпой окружали его. Если кто-либо из эскадронных командиров был убит в бою, он громко вопрошал: «Кто самый храбрый капитан?». В пылу энтузиазма, возбужденного победой и присутствием великого полководца, люди говорили искренне и ответы их были чистосердечны. Если самый храбрый капитан не обладал нужными для эскадронного командира способностями, его повышали в чине по ордену Почетного Легиона, а затем император задавал вопрос: «После него кто самый храбрый?». Князь Невшательский карандашом отмечал награждения и как только император направлялся в другой полк, командир полка, в котором он побывал, утверждал офицеров в новых должностях» [6, 436].

Комбинируя страх и личный интерес – два, как считал Наполеон, самых мощных рычага управления людьми, умело играя на самолюбии и честолюбии подчиненных, взывая к «абстрактным», но от того не менее действенным идеям воинского долга и чести, он умело поддерживал боевой дух армии. «На свете есть лишь две могущественные силы, – говорил Наполеон, – сабля и дух. Но, в конечном счете, дух побеждает саблю» (курсив наш – И.Л., Д.Д.) [3, 523].

Военный талант Наполеона сказывался также в умении выдвигать на командные должности людей не только способных, но готовых, как и он, взять на себя риск и ответственность за осуществление боевых операций. Отдавая маршалам ясные и точные приказы, он никогда не стеснял их мелочными указаниями в отношении того, что они должны делать для достижения поставленных целей. Он полагался на их талант, на их инициативу. «Самой лучшей армией Наполеон называл ту армию, в которой каждый офицер знает, что делать при данных обстоятельствах» [8, 385].

Многие биографы Наполеона отмечали упадок его таланта в период между Тильзитом (1807) и кампаниями 1813-1814 гг. Но в дальнейшем выяснилось, что это было временное затмение разума, которое развеялось в ходе неудачной кампании 1812 г. и последующих событий. Полководческий дар Наполеона вновь ослепительно засверкал в 1813-1814 гг., когда «с семьюдесятью тысячами солдат он боролся против двухсот тысяч и наносил им одно поражение за другим» [6, 454]. Кампанию 1814 г. военные теоретики признают едва ли не лучшей во всей истории наполеоновских войн. А захватывающая эпопея «Ста дней» (1815), ее финал и последний акт жизненной драмы Наполеона – пребывание на о. Св. Елены – окончательно выявили *трансцендентный* (надличностный) характер его интенций и нравственных императивов.

Наполеон был идеалистом – если не в философском, то как минимум в обыденном понимании. На вершине могущества он окружал себя немислимой роскошью, которая, однако, имела для него не потребительское, а символическое значение. Сам же император довольствовался немногим. «Власть и слава – вот были личные основы его страсти и притом власть даже больше, чем слава» – утверждал Тарле [8, 411]. Но и это не вполне верно.

В юности Наполеон был горячим патриотом родного острова – Корсики. Революция стала другим его «отечеством» и пять лет жизни он потратил на то, чтобы революционизировать Корсику. Однако в ходе последующих событий он осознал, что революция дала ему в «отечество» всю Францию, а не маленькую лишь ее часть. Из корсиканского «местечкового», провинциального патриота Наполеон

стал патриотом революционной Франции. Далеко не всегда – за что его справедливо упрекали и современники, и биографы – он отделял свои личные интересы от интересов Франции, в конце концов ставшей заложницей его упрямства и ошибочного представления о долге и чести. Но – и как политик, и как военный человек – Наполеон подчинил свою жизнь и судьбу надличностным ценностям патриотизма, долга, чести, славы, что, в конечном счете, обеспечило ему прижизненную и посмертную благодарность нации. И даже Тарле, изобразивший Наполеона закоренелым циником и прагматиком, вынужден был признать, что он «искренне раз и навсегда отождествил себя с Францией, что у него наперед было готово оправдание всему тому, что он делал: благо Франции, величие Франции, безопасность Франции – вот что в его глазах оправдывало все, что он делал» [8, 410]. С этой оценкой был согласен и Манфред: «национальная идея в интерпретации Бонапарта – это было своего рода соревнование в военной славе, в военной доблести, забвение партийных распрей *во имя высшего долга перед родиной*» (курсив наш – И.Л., Д.Д.) [3, 344].

В предсмертном бреде Наполеон диктовал распоряжения по организации обороны Парижа от наступающих войск противника. А последние слова, которые удалось разобрать окружающим его людям, были: «Франция... армия... авангард» [8, 391]. В этой заключительной сцене заключительного акта жизненной драмы Наполеона нет ничего наигранного, ничего искусственного, но зато в ней предельно обнажено – в последний миг существования, перед лицом смерти – все то, что можно назвать «субстанциальным Я» человека.

Теперь, завершив рассмотрение *фактов*, которые характеризуют, на наш взгляд, особенности военного сознания Наполеона, мы встаем перед необходимостью эксплицировать это ключевое понятие. В противном случае будет непонятно: почему из всего многообразия сведений о Наполеоне мы отобрали именно эти, а не другие?

В самом общем виде, *военное сознание есть разновидность профессионального сознания, которая включает специфические особенности психологии, мышления, познавательной деятельности, профессиональных навыков, морально-нравственных и эстетических ценностей, а также мировоззренческих установок, складывающихся в процессе формирования личности военнослужащего.*

К специфическим особенностям психологии Наполеона следует отнести его темперамент и характер. Страстный, агрессивный и раздражительный темперамент, безусловно, играл важную роль в военной деятельности Наполеона. Однако темперамент, который был дан ему от природы, еще не определял специфики всего характера полководца.

Доминирующей чертой характера Наполеона была «железная» воля – способность управлять собой, преодолевая внутренние и внешние трудности. Темперамент и воля совместно формировали такие качества характера как мужество, твердость, стойкость, выносливость, решимость, умение предельно концентрировать внимание, работоспособность. Коварство и тяга к расчетливой лжи, безусловно, присутствовали в его характере и позднее были осмыслены и возведены им к уровню стратегических и тактических максим.

Полководческий дар Наполеона коренился в вышеуказанных особенностях психики, но проявлялся он главным образом в *военном мышлении*. Фундамент военного мышления образуют профессиональные знания. Мы видели, что Наполеон в этом отношении превосходил многих соратников и противников из числа выдающихся полководцев того времени. Но даже самые глубокие и обширные профессиональные знания не делают командира талантливым военачальником. Специфическая особенность военного мышления кроется в его *практической направленности* – в способности понять не только, *что* надо делать, но и *как* надо делать. Умение схватывать военно-политическую обстановку в целом и системно анализировать ее должно дополняться умением ориентироваться во времени и в пространстве, то есть «чувством местности» и «глазомером», а также творческим воображением и интуицией. Все эти интеллектуальные качества были хорошо развиты у Наполеона. Он никогда не попадал в смешную ситуацию, о которой говорится в известной присказке: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

Военный гений Наполеона включал также выдающиеся управленческие способности: тонкое знание человеческой природы, умение мотивировать подчиненных на выполнение боевых задач, не связывая в то же время их инициативы, а также внушить им веру в победу и бодрость духа перед лицом смертельной угрозы.

Эти и другие управленческие способности Наполеона оказывали такое воздействие на подчиненных не сами по себе, а в тесной связи с его верованиями, убеждениями и морально-нравственными императивами. К их числу относятся: патриотизм, воинский долг, воинская честь, воинское братство, воинская слава, наконец, вера в судьбу (рок, фатум), от которой зависят жизнь и

смерть человека на войне. Сюда надо также добавить специфическое отношение к риску, военному насилию, убийству, физическим страданиям и смерти, которые Наполеон полагал присущими военному делу особенностями.

Военное сознание, как мы видим на примере Наполеона, обладает *системной целостностью*, поскольку ни один из его компонентов в отдельности не обладает военной спецификой. Сильная воля, мужество, решительность присущи людям разных профессий точно так же как хорошая память, развитый интеллект и выдающиеся управленческие способности. Патриотизм, чувство собственного достоинства (честь), стремление к славе и презрение к смерти – также являются нравственными качествами, характеризующими не только военного человека.

Карл фон Клаузевиц писал, что «военный гений не является какой-либо одной способностью (например, мужеством), при отсутствии других умственных и духовных способностей или при неприменимой для войны их ориентировке; напротив, он представляет гармоническое сочетание способностей, из которых та или другая преобладает, но ни одна не становится поперек другой» [2]. Гармоническое сочетание способностей, отличающее военное сознание от любой другой разновидности профессионального сознания, и есть, говоря современным языком, системное единство, наделенное эмерджентными свойствами. То есть единство, обладающее свойствами, которые не проявляет ни один из его компонентов в отдельности.

Но для того чтобы военное сознание сформировалось, требуется некий дополнительный интегрирующий фактор, без которого разрозненные компоненты не сложатся в системное единство. Другими словами, даже если у человека имеются все психологические, интеллектуальные и нравственные качества, необходимые для формирования военного сознания, они могут быть интегрированы в рамках любого иного невоенного профессионального сознания. Или вообще окажутся индивидуальными особенностями личности, которые будут невостребованы в той профессиональной сфере, в которой данный человек задействован.

Таким интегрирующим фактором военного сознания выступает *направленность личности* – сложное свойство, которое «включает систему побуждений, определяющую активность человека, а также его избирательность в отношении деятельности» [5, 237]. Проще говоря, военное сознание формируется под влиянием настойчивого и непреодолимого стремления человека стать профессиональным военным. Не имеющий такого стремления, но наделенный необходимыми для военнослужащего свойствами человек может быть кем угодно. К примеру, пацифистом, борцом против государственного насилия над личностью, экологическим активистом и т. д., и т. п. Чтобы стать военным недостаточно просто *захотеть* стать военным. Требуется еще обладать рядом физических и психологических качеств, необходимых для получения военной подготовки. Но для того чтобы стать (имея к тому необходимые задатки) *настоящим* военным, которого отличает развитие, целостное и прочное военное сознание, надо, действительно, всего лишь этого *захотеть*.

Библиографический список

1. Гурский А.И., Лихоманов И.В. Категория «воинский долг» в структуре военного сознания // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 2(3). С. 30-34.
2. Клаузевиц К. О войне // Военная литература [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/index.html> (дата обращения – 2.12.2016).
3. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 5-е изд. Сухуми: Алашара, 1989.
4. Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012.
5. Психология и педагогика. Военная психология / Под ред. А.Г. Маклакова. – СПб.: Питер, 2007.
6. Стендаль. Итальянские хроники. Жизнь Наполеона: Пер. с фр. М.: Правда, 1988.
7. Талейран. Мемуары. М.: Издательство института международных отношений, 1959.
8. Тарле Е.В. Триумф и трагедия императора: сборник. М.: АСТ: Астрель, 2011.

I.V. Likhomanov, D.E. Desyatov

Novosibirsk Higher Military Command School,
Novosibirsk

graingar@yandex.ru
gumproblemy@gmail.com

NAPOLEON AS BEARER OF MILITARY CONSCIOUSNESS

The article reveals the concept of “military consciousness” as well as the structure of the military consciousness on the basis of manifestations of this phenomenon on the example of Napoleon Bonaparte. The military consciousness is defined as a kind of professional consciousness, which includes the specific features of psychology, thinking skills, worldview and moral values of a soldier. Military consciousness system has integrity and is formed under the influence of the orientation of the person to military service as an integrating factor. Strategic talent of Napoleon was rooted in the psychological aspects of his personality, such as temperament, will, courage, dedication, capacity for work. Napoleon was shown talent in military thinking and military activities. A specific feature of military thinking lies in its practical orientation, the ability to understand not only what to do but how to do it. The military genius of Napoleon also included outstanding management skills: fine knowledge of human nature, ability to motivate subordinates to perform combat missions without tying their initiative, ability to inspire them with confidence in victory and good spirits in the face of a deadly threat.

Keywords: military consciousness, professional consciousness, military knowledge, military thinking, military duty, military honor, personal orientation

